



Кристина Миляева

Не переступай порог

Кристина Миляева
Не переступай порог

«Автор»

2025

Миляева К.

Не переступай порог / К. Миляева — «Автор», 2025

Когда на тебя свалилось наследство, десять раз подумай, а брать ли его. Ибо твоя жизнь может оказаться в смертельной опасности. Ведь дом хранит свои тайны и тех, кто осмелился переступить порог...

Содержание

Глава 1. Наследство с болотного края	5
Глава 2. Дорога к порогу Нави	9
Глава 3. Ночные гости	15
Глава 4. Шёпот за спиной	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Кристина Миляева

Не переступай порог

Глава 1. Наследство с болотного края

Тупая боль, пульсирующая за левым виском, сливалась с монотонным стуком дождя по жестяному козырьку под окном. Каждая капля отзывалась эхом в моей черепной коробке, усиливая тошнотворное ощущение безнадеги, вьющейся в стены нашей крохотной квартирki, как запах старого табака и отчаяния. Я сидела за кухонным столом, уставившись в экран ноутбука. Цифры в таблице бюджета плясали зловещим мороком, не желая складываться во что-то человеческое. Аренда, кредит за Максимов разбитый в аварии «Форд», коммуналка, еда... И снова аренда. Круг замыкался, сжимая горло тисками.

– Аня? – Голос Максима прозвучал из-за моей спины глухо, словно сквозь вату. Он стоял в дверном проёме, опираясь о косяк. Его лицо, обычно открытое и энергичное, сейчас казалось серым, измождённым, с глубокими тенями под глазами. Работа на стройке плюс вечные поиски дополнительного заработка высасывали из него жизнь. – Опять сводишь дебет с кредитом? Брось, голова заболит ещё сильнее. Выпей таблетку.

Он подошёл, положил тёплую руку мне на плечо. Его прикосновение всегда было островком спокойствия в моём море тревог. Но сегодня даже оно не помогало. Тревога клокотала внутри, холодным, вязким комом под ложечкой. Это было не просто беспокойство о деньгах. Это было что-то глубже, древнее, словно инстинктивное чутьё загнанного зверя, чувствующего приближение невидимой опасности.

– Голова уже болит, Макс, – вздохнула я, закрывая ноутбук. Экран погас, оставив лишь тусклое отражение моего лица в чёрном стекле – бледное, с тёмными кругами под глазами, сжатыми губами. – Не сводится. Совсем. Завтра надо звонить Петровым, просить отсрочку по аренде. Опять.

Максим сжал моё плечо сильнее, потом опустился на стул рядом. Его движения были тяжёлыми, лишёнными привычной лёгкости.

– Проси. Что ещё остаётся? – Он провёл рукой по лицу, словно стирая усталость. – На стройке опять задержки с выплатой. Говорят, инвестор деньги заморозил. Бред какой-то. А я уже и так в долгах, как в шелках. – Он замолчал, уставившись в запотевшее окно, за которым хмурый городской вечер растекался серой жижей. – Иногда кажется, что мы в болото проваливаемся, и чем больше дёргаемся, тем быстрее засасывает.

Его слова отозвались во мне ледяным эхом. Болото. Именно это чувство – липкое, безысходное, медленно затягивающее. Я всегда была тревожной. С детства. Боялась темноты, незнакомых мест, громких звуков, неожиданных телефонных звонков. Мама называла меня «мнительной», учителя – «чувствительной». Психолог в университете вежливо говорил о «генерализованном тревожном расстройстве». А я просто чувствовала мир слишком остро, как будто у меня нет кожи. Каждый скрип, каждый взгляд, каждая нестыковка в привычном порядке вещей оборачивалась внутренней бурей. И сейчас эта буря достигла ураганной силы. Долги были лишь вершиной айсберга. Под ними скрывалось что-то иное, тёмное и неоформленное, но неумолимо надвигающееся.

Раздался резкий, настойчивый звонок в дверь. Мы вздрогнули одновременно. Максим нахмурился.

– Кого чёрт принёс в такую рань? – пробормотал он, поднимаясь.

Я почувствовала, как сердце ёкнуло, забилось чаще. Необъяснимый страх сжал горло. Звонок. Просто звонок. Почтовый курьер? Сосед? Но почему тогда эта волна леденящего предчувствия?

Максим открыл. В проёме стоял мужчина в мокром от дождя плаще. Незнакомец. Средних лет, с гладко зачёсанными тёмными волосами и лицом, на котором профессиональная вежливость не могла скрыть лёгкой нервозности. В руках он держал плотный конверт из коричневой бумаги.

– Добрый вечер. Извините за беспокойство, – голос был ровным, но в нём слышалось какое-то торопливое напряжение. – Это квартира Анны и Максима Сорокиных?

– Да, – ответил Максим, настороженно оглядывая гостя. – Мы Сорокины. А вы кто?

– Меня зовут Артём Леонидович Громов. Я представляю интересы нотариальной конторы «Статус», – мужчина достал из внутреннего кармана пиджака визитку, протянул Максиму. – Мне поручено вручить вам срочное и важное извещение. Могу я войти? Вопрос требует конфиденциальности.

Максим отступил, пропуская его. Незнакомец – Громов – шагнул в прихожую, огляделся беглым, оценивающим взглядом. Его глаза скользнули по облупившимся обоям, дешёвому коврику у двери, по моей фигуре, замершей у кухонного стола. Взгляд был быстрым, но я успела поймать в нём что-то... неприятное? Сожаление? Нетерпение? Словно ему не хотелось здесь находиться.

– Проходите, – Максим махнул рукой в сторону кухни. – Только у нас тут... тесновато.

Громов кивнул, снял плащ, повесил его на спинку стула, который я подтолкнула к нему. Сам он сел аккуратно, держа конверт на коленях. Его пальцы нервно постукивали по бумаге.

– Что случилось? – спросил Максим, садясь напротив. Я осталась стоять, прислонившись к дверному косяку, стараясь дышать глубже, унять бешеный стук сердца. Срочное. Важное. Конфиденциальность. Слова висели в воздухе тяжёлыми каплями, как дождь за окном.

– Господа Сорокины, – начал Громов, откашлявшись. – Мне поручено сообщить вам, что вы стали наследниками. Неожиданного наследства.

Максим замер. Я почувствовала, как подкашиваются ноги. Наследство? У нас не было родни, способной оставить что-то ценное. Родители Максима умерли давно, моя мама – пять лет назад, оставив после себя лишь горстку фотографий и старые долги. Отец исчез из моей жизни ещё в детстве.

– Чьё наследство? – спросил Максим, его голос звучал хрипло.

– Ваша троюродная тётя по материнской линии, Антонина Фёдоровна Заозёрская, – Громов открыл тонкую папку, извлекая несколько листов. – Она скончалась две недели назад в возрасте восьмидесяти семи лет. Проживала в деревне Заозерье, Нижегородская область. Согласно её последней воле, заверенной нотариально, единственным наследником всего её имущества являетесь вы, Анна Владимировна Сорокина.

– Я? – вырвалось у меня. Голос сорвался на шепоте. – Тётя Тоня? Но я... я её никогда не видела! Мама упоминала какую-то дальнюю родню где-то в глуши, но... контактов не было. Никогда!

– Тем не менее, вы были указаны в завещании как единственная наследница, – Громов откашлялся снова. Его пальцы продолжали барабанить по конверту. – Наследственная масса включает в себя жилой дом с приусадебным участком в деревне Заозерье, а также личные вещи покойной. Оценочная стоимость... – он посмотрел на бумагу, – ввиду удалённости населённого пункта и состояния объекта, невелика. Но для вас, как я понимаю, это может быть... значимо.

– Дом? – Максим перехватил инициативу. На его лице появился румянец азарта. – Где эта деревня? Что за дом? Он продаётся?

– Деревня Заозерье находится в Кирилловском районе, – Громов говорил быстро, словно отчитываясь. – Достаточно глухое место, на краю болот, недалеко от озера с тем же названием.

Сам дом... – он сделал паузу, выбирая слова, – деревянный, срубной. Построен, судя по всему, давно. Требуется, безусловно, вложений. Но земля под ним в собственности. Что касается продажи... – он посмотрел прямо на нас, и в его глазах мелькнуло что-то неуловимое, – процесс оформления документов уже почти завершён. Чрезвычайно быстро, благодаря... оперативности нашей конторы и отсутствию других претендентов. Вы можете вступить в права наследства практически сразу. А дальше – распоряжайтесь, как сочтёте нужным. Продать его, безусловно, можно. Хотя...

– Хотя что? – я невольно перебила его. Это «хотя» повисло в воздухе, как паутина.

– Хотя рынок недвижимости в таких местах... специфичен, – Громов поймал мой взгляд и отвел глаза к конверту. – Люди там небогатые. Покупателей на старый дом в глуши может и не найтись быстро. Но это уже ваши заботы. Главное – документы будут готовы в рекордные сроки. Нам удалось ускорить все процедуры. – Он подчеркнул слово «ускорить».

– Почему так быстро? – спросила я, и моя тревога прорвалась наружу. – Разве так бывает? Две недели после смерти – и уже всё оформляется? Это же...

– Покойная Антонина Фёдоровна была человеком... предусмотрительным, – Громов произнёс это с какой-то странной интонацией. – Завещание было составлено давно и чётко. Никаких спорных родственников не объявилось. Да и контора наша... работает эффективно. – Он отодвинул папку и взял в руки конверт. – Здесь копии ключевых документов: свидетельство о смерти, выписка из завещания, предварительные бумаги на наследство. А также... – он протянул конверт Максиму, – фотография объекта. Чтобы вы имели представление.

Максим почти вырвал конверт. Его пальцы дрожали от нетерпения. Он быстро раскрыл клапан и вытряхнул содержимое на стол. Несколько листов с печатями и... одна фотография, напечатанная на простой матовой бумаге, вероятно, на принтере.

Я подошла ближе, заглядывая через плечо мужа. И замерла.

На снимке был дом. Но какой...

Он стоял в низине, у самого подножия мрачного, почти чёрного леса, подступавшего к нему плотной, угрожающей стеной. Небо над лесом было затянуто тяжёлыми, свинцовыми тучами, создавая ощущение вечных сумерек. Дом был деревянным, срублен из толстых, потемневших от времени брёвен – настоящий сруб. Но не крепкий и ладный, а какой-то... покосившийся. Весь. Будто его кто-то огромный с силой вдавил в землю под углом. Крыша, покрытая мхом и пожухлой соломой в некоторых местах, проседала. Окна – их было видно два на фасаде – казались слепыми, чёрными глазницами. Одно из стёкол было разбито. Крыльцо скособолено, перила отсутствовали. Дом выглядел не просто заброшенным. Он выглядел больным. Угрюмым. Злым. От него веяло таким холодом запустения и недоброй старины, что мне стало физически не по себе. За спиной пробежал ледяной мурашек.

– Боже... – прошептал Максим. Но в его голосе не было моего ужаса. Была оценка. – Крепко, конечно, строили раньше, раз ещё стоит. Но видал я виды... Полный развал. И где это? В болоте?

– Участок граничит с заболоченной местностью, да, – подтвердил Громов. Он наблюдал за нашими реакциями, его лицо оставалось непроницаемым. – Но фундамент, как я понимаю, изначально закладывался с учётом грунта. Дом стоит.

– Стоит, – фыркнул Максим, тыча пальцем в фото. – Еле-еле. Посмотри на крышу, Ань! И окна! Там же сквозняк насквозь! Сколько же надо вбухать, чтобы привести это в порядок? Продать... – он покачал головой. – Кто купит эту развалюху в такой дыре? Разве что за копейки, на снос да на дрова.

– Продать можно всегда, – быстро вставил Громов. Его голос прозвучал чуть громче, настойчивее. – Было бы желание. И... оперативность. Место, конечно, не курортное, но земля – своя. Может, найдётся местный, кому участок нужен. Или дачник отчаянный. Главное – не

затягивать. – Он снова сделал акцент на скорости. – Чем быстрее оформите права, чем быстрее выставите – тем больше шансов. Затянете – дом ещё больше развалится, да и интерес пропадёт.

– А что там с местными? – спросила я, не отрывая глаз от фотографии. Этот чёрный лес за спиной дома... Он словно дышал, готовый поглотить хлипкое строение. – Деревня живая? Соседи есть?

Громов слегка поморщился.

– Деревня существует. Небольшая. Люди... своеобразные. Тамбовщина, знаете ли, глубинка. Замкнутые. Но не агрессивные. К новым людям привыкают долго. – Он махнул рукой, словно отмахиваясь от неважной детали. – Ваша задача – дом. Получить его, оценить реально и продать. Быстро. Пока он совсем не превратился в руины. – Он встал. – Я вас не буду задерживать. Документы изучите. Все контакты нотариуса и нашей конторы внутри. Если решите действовать – звоните. Мы поможем с оформлением максимально оперативно. Помните – время работает против стоимости объекта.

Он протянул Максиму ещё одну визитку.

– Спасибо, – автоматически сказал Максим, вставая.

– Не за что. Надеюсь, это хоть немного облегчит ваше положение, – Громов кивнул, надел плащ. Его движения были резкими, словно он торопился уйти. – Всего доброго.

Он вышел, не оглядываясь. Закрылась дверь. В квартире повисла тишина, нарушаемая только мерзким стуком дождя и гулким тиканьем настенных часов. Максим подошёл к столу, снова взял фотографию, разглядывая её уже с практическим интересом.

– Вот так сюрприз, а? – Он попытался улыбнуться, но улыбка получилась напряжённой. – Дом! Пусть и развалюха, но это же недвижимость! Свой угол! Или стартовый капитал, если продать. Вот только кто купит... – Он вздохнул. – Но шанс, Ань! Реальный шанс выкарабкаться! Надо ехать. Смотреть. Оформлять. Быстро, как тот тип сказал. Пока он совсем не развалился.

Я молчала. Смотрела на фотографию, лежащую на столе. Этот дом. Этот проклятый, покосившийся сруб в низине, под чёрным лесом. Он смотрел на меня своими чёрными глазницами-окнами. И шептал. Беззвучно, но я слышала. Слышала холодным витком страха, сжимающим внутренности. Шептал что-то древнее, болотное, злое. Шептал о беде.

– Макс... – мой голос был тихим, прерывистым. – Мне страшно.

Он обернулся, удивлённый.

– Чего? Из-за дома? Да брось! Страшная развалюха, да. Но это же просто брёвна и гвозди. Дожди, ветра, время его покорежили. Ничего сверхъестественного. – Он подошёл, обнял меня. – Ты просто вымоталась, солнышко. Нервы. Это же шанс! Надо хвататься за него. Завтра позвоню нотариусу. Узнаю детали. Может, съездим на разведку в выходные? Посмотреть на это... наследие тёти Тони. – Он ткнул пальцем в фото.

Я прижалась к его груди, пытаюсь согреться, отогнать ледяное чувство, ползущее изнутри. Его сердце билось ровно, уверенно. Он не чувствовал. Не видел того, что видела я. Для него это были просто старые, покореженные брёвна. Для меня... это была тень. Тень места, которое ждало. Которое знало, что мы придём. И торопилось нас заполучить.

«Срочно избавиться», – эхом отозвалось в памяти невнятное бормотание риелтора, когда он говорил о возможных покупателях. Не «продать». Не «найти хозяина». Избавиться. Как от чего-то опасного, ненужного, обременительного.

Я посмотрела на фотографию ещё раз. На чёрные глазницы окон. На кривые стены. На мрачный лес, готовый обнять дом в смертельные объятия.

Этот дом не был наследством. Он был ловушкой. И мы только что получили приглашение войти.

Глава 2. Дорога к порогу Нави

Солнца не было. Оно словно испугалось той дороги, что вела в Заозерье, и спряталось за бескрайней пеленой низких, серых туч, набрякших не дождем, а какой-то грязной влажной ватой. Мы ехали уже несколько часов, покинув последние признаки цивилизации – жалкий райцентр с покосившимися ларьками и пустым автовокзалом – далеко позади. Асфальт, сначала потрескавшийся и убитый, вскоре сменился гребёнкой бетонных плит времён развитого социализма, а потом и вовсе уступил место грунтовке. Вернее, тому, что от неё осталось после осенних дождей: месиву из глины, щебня и чёрной, вонючей жижи, больше похожей на болотные испражнения.

Максим молча ворочал баранкой нашего старенького «Логана», лицо напряжено, губы сжаты. Его первоначальный азарт, подогретый перспективой «своего угла» или хоть каких-то денег от продажи, по мере удаления от мира таял, как последний снег в этой гнилой низине. Его пальцы судорожно сжимали руль на каждой кочке, а взгляд, обычно такой уверенный, теперь метался между разбитой дорогой и картой на телефоне, где крошечная точка «Заозерье» упорно не желала приближаться.

Я же сидела, прижавшись лбом к холодному стеклу, и чувствовала, как тревога, эта вечная спутница, превращается в нечто большее. В физическое недомогание. В холодную дрожь, пробирающую до костей, несмотря на работающую печку. В тошнотворный комок под ложечкой, который сжимался с каждым километром. За окном проплывал пейзаж, достойный кисти самого мрачного художника-депресссиониста.

Болота. Не величественные топи с чахлыми сосенками, а унылые, плоские, бескрайние пространства, затянутые ржавой ряской и усеянные кочками, похожими на стручья земли. Вода в редких протоках была не просто чёрной – она казалась маслянистой, мертвой. От неё несло затхлостью и гниением, запах проникал даже сквозь закрытые окна машины, въедаясь в одежду, в волосы, в лёгкие. Воздух был тяжёлым, влажным, словно сама атмосфера здесь пропиталась болотным дыханием. Деревья по краям дороги – чахлые, кривые берёзы да корявые ольхи – стояли голые, с чёрными, обломанными ветвями, тянущимися к серому небу, как скрюченные пальцы утопленников. Листва, если она и была, давно сгнила, не успев пожелтеть, превратившись в бурую, склизкую массу под ногами невидимых путников. Ни птиц, ни зверей. Только ветер, холодный и противный, завывал в щелях машины да шуршал высохшим тростником, будто перешёптывался сам с собой.

– Край света, блин, – хрипло пробормотал Максим, объезжая очередную грязевую лужу, больше похожую на озеро. – Как тут вообще люди живут? Рыбу ловят, что ли? В этой... жиж?

Я не ответила. Мой взгляд зацепился за покосившийся столб с едва читаемой табличкой: «Заозерье. 5 км». Пять километров. Казалось, вечность. И с каждой минутой чувство, что мы не просто удаляемся от цивилизации, а пересекаем какую-то незримую границу, усиливалось. Границу между миром живых и... чем-то другим. Порог Нави. Это древнее слово, всплывшее из глубин памяти, где-то прочитанное в книжке по славянскому фольклору, вдруг обрело жуткую конкретность. Мы ехали в обитель мертвящей сырости, вечных сумерек и тишины, давящей сильнее болотных испарений.

Дорога сузилась до колеи, едва различимой в высокой, бурой траве. Появились первые признаки жилья: покосившиеся заборы из серого, рассыпающегося горбыля, редкие избы, такие же серые и приземистые, словно вросшие в землю по самые окна. Окна... Маленькие, глубоко посаженные, некоторые заколочены досками крест-накрест. На других висели занавески, грязно-белые или тускло-цветные, но абсолютно неподвижные. Казалось, за ними никто не живет. Деревня встретила нас не лаем собак, не детскими криками, не дымком из труб. Её

встретила гробовая тишина, нарушаемая лишь нашим хриплым мотором и хлопаньем грязи под колёсами.

– Где же этот чёртов дом? – Максим нервно постучал пальцами по рулю, сверяясь с распечаткой из конторы Громова. – По описанию, на отшибе, у леса... Вот же лес, – он кивнул вперёд.

Впереди, за последними избами, начинался тот самый лес. Не просто тёмный – чёрный. Густой, непролазный, состоящий из каких-то древних, корявых елей и сосен, чьи стволы были покрыты слоем серо-зелёного мха, свисающего клочьями, как гнилая шкура. Ветви сплелись в плотный, непроницаемый для света полог. Лес стоял стеной, мрачной и недоброй, и именно к его подножию, в самую низину, вела ухабистая колея.

Мы въехали в деревню. Вернее, проехали по её единственной улице. Появились люди. Вернее, их тени. Из-за забора, из-за угла сарая, из тёмного проёма калитки. Не выходя, не здороваясь. Просто стояли и смотрели. Молча. Мужчины в заношенных телогрейках, женщины в тёмных платках, низко надвинутых на лоб. Их лица были землистыми, невыразительными, глаза – тусклыми, как мутное стекло. Взгляды не были враждебными. Они были... отчуждёнными. Изучающими. Как будто смотрели не на людей, а на призраков или на обречённых. Шёпот. Негромкий, сливающийся с шелестом травы, но различимый. Шёпот, полный незнакомых, гортанных слов. Он висел в воздухе, как мошкара.

– Весёленькое местечко, – процедил Максим, стараясь не смотреть по сторонам. Его плечи были напряжены. Даже он почувствовал ледяное дыхание этого отчуждения. – Прямо как в фильме ужасов про заброшенные деревни.

Машина медленно ползла мимо старого колодца-журавля, почерневшего от времени. У его основания, на скользком от влаги обрубке бревна, сидела старуха. Очень старая. Лицо её было изборождено глубокими, чёрными морщинами, как высохшее русло реки. Глаза, маленькие и невероятно живые на этом фоне смерти, сверлили нас с пронзительной силой. Она что-то жевала беззубым ртом, не сводя с нас взгляда. На коленях у неё лежал пучок какой-то жухлой травы.

Максим, видимо, решив проявить вежливость или разрядить обстановку, притормозил, приоткрыл окно.

– Здравствуйте, бабушка! Подскажите, пожалуйста, как проехать к дому Заозёрской? Антонины Фёдоровны?

Старуха перестала жевать. Её губы, тонкие как ниточки, растянулись в чём-то, отдалённо напоминающем улыбку, но лишённом всякой теплоты. Скорее, это был оскал. Она закивала, указывая костлявым, дрожащим пальцем в сторону чернеющего леса.

– Туды... – прохрипела она голосом, похожим на скрип несмазанной двери. – К лесу... К самому краешку... Под костяной сруб... – Она замолчала, её острый взгляд скользнул по мне, сидевшей в пассажирском кресле, и задержался на моём лице. В её глазах вспыхнуло что-то... понимающее? Жалостливое? Злорадное? – Ты, милачка... не слухай, што нашепчут стены-то... – прошипела она вдруг, наклоняясь к открытому окну. От неё пахло землёй, сыростью и чем-то ещё – затхлостью глубокого подпола. – Кикимора там голос подаёт... С печи слезала, в подпóлье ушла... Значит, дом проснулся... А костяная основа... Она надо всем... – Она вдруг резко перекрестилась, тыкая пальцем себе в грудь, потом в нас, потом в сторону леса. – Ох, лихо... Лихо завёртелось... Срочно-то избавились... Срочно...

Она снова забормотала что-то невнятное, уже не для нас, а для себя, глядя куда-то поверх машинной крыши. Максим смущённо поблагодарил и тронулся с места, быстро прикрыв окно.

– Что за бред? – выдохнул он, бросая взгляд в зеркало заднего вида. Старуха всё так же сидела у колодца, неотрывно следя за нашей удаляющейся машиной. – Кикимора? Костяной сруб? Бабка, видимо, того... не все дома. Глухомань, что взять.

Но её слова, этот шелестящий, зловещий шёпот про кикимору и костяную основу, впились в меня, как занозы. «Срочно избавились». Те же слова, что говорил Громов. Не просто продать. Избавиться. От чего-то опасного. И этот дом... он имел название. Костяной Сруб. От одной этой мысли по спине побежали ледяные мурашки.

Дорога кончилась. Вернее, она упёрлась в заросли колючего кустарника и высокого, бурого бурьяна. Сквозь них едва угадывалась тропинка. А дальше, в самой низине, у самого подножия чёрного, безмолвного леса, стоял ОН.

Дом Заозёрской. Наш дом.

Фотография не солгала. Она лишь не смогла передать главного – давящей, почти физической атмосферы этого места. Он был больше, чем я представляла, и в сто раз страшнее. Потемневший от времени и влаги сруб из толстых брёвен действительно стоял криво, будто его вывернуло из земли чудовищным усилием. Крыша, покрытая местами мхом, местами прогнившей соломой, а кое-где и вовсе зияющая дырами, проседала волной. Окна – те самые чёрные глазницы – смотрели на нас пусто и бездушно. Одно, на первом этаже, действительно было разбито. Крыльцо покосилось, ступеньки сгнили и провалились. Весь дом был окутан аурой глубочайшего запустения, заброшенности, которая граничила с проклятием.

Мы вылезли из машины. Воздух здесь был ещё тяжелее, ещё насыщеннее болотным смрадом, но к нему примешивался новый, отвратительный запах. Сырость, конечно. Тление. Но что-то ещё... Глубже. Застоявшаяся пыль веков? Плесень, въевшаяся в самые стены? Или... запах старой, нежилой древесины, которая начала гнить изнутри? Он был тёплым, густым, сладковато-приторным и невыносимо тошнотворным. От него сразу закружилась голова.

– Ну... вот он, наш дворец, – попытался пошутить Максим, но шутка прозвучала плоским, вымученным звуком. Он подошёл к калитке, представлявшей собой жалкие остатки штакетника, и толкнул её. Калитка с жалобным скрипом отвалилась и рухнула в заросли крапивы. – Эх... Работы... море работы...

Я не могла сдвинуться с места. Ноги словно вросли в липкую, чёрную землю. Я смотрела на дом, и он смотрел на меня. Чёрными окнами. Щелями между кривых брёвен. Тёмным провалом двери. Я чувствовала его взгляд. Холодный, оценивающий, безразличный и... жадный. Это было не воображение. Это было знание, проникшее в кости. Дом был не пуст. Он спал. Но наш приезд его разбудил. И теперь он изучал новую плоть, пришедшую на его Порог.

– Чего встала? – окликнул меня Максим, уже подходя к крыльцу. – Идём, посмотрим, что внутри. Хотя бы стены целы ли... – Он попробовал ступить на скрившуюся ступеньку. Дерево жалобно застонало, но выдержало.

Я заставила себя сделать шаг. Потом ещё один. Каждый шаг давался с невероятным усилием, как будто я шла не по земле, а по толстому слою студенистой слизи. Запах усиливался, пробираясь в ноздри, оседая комом в горле. Под ногами хлопала чёрная жижа. Мы обошли дом. С тыльной стороны, к лесу, примыкал заросший, захламлённый огород. Грядки не было видно – всё затянато бурьяном и каким-то колючим репьем выше пояса. За огородом началась сама тряпина – серо-коричневое, зловонное месиво, поросшее жёстким тростником. Оттуда тянуло холодом и смертью.

– Лес... прямо в огороде, – пробормотал Максим, глядя на мрачную стену деревьев. – Корни, наверное, всё переплели... И фундамент подрывают. Надо смотреть...

Мы вернулись к крыльцу. Максим достал ключ – тяжёлый, старинный, ржавый, который нам передали вместе с документами. Замочная скважина в покосившейся двери была огромной. Ключ с трудом, со скрежетом провернулся. Максим нажал плечом на дверь. Она неохотно поддалась, издав протяжный, мучительный скрип, будто стон проснувшегося великана. Запах хлынул наружу, ударив в лицо волной. Это был концентрированный ужас этого места: сырость, гниль, пыль, мышинный помёт, грибок и что-то ещё... сладковато-группное. Я закашлялась.

– Фу-у-у... – сморщился Максим. – Консервация, блин. Надо проветрить.

Мы вошли. Темнота. Густая, почти осязаемая. Максим щёлкнул фонариком на телефоне. Луч света, слабый и жёлтый, выхватил из мрака прихожую. Пыль висела в воздухе толстым слоем, колышась в луче. Пол – широкие, почерневшие доски – скрипел под ногами угрожающе. Стены, сложенные из тех же потемневших, массивных брёвен, казалось, сжимали пространство. На них виднелись тёмные разводы сырости, местами проступал белесый налёт плесени. В углу валялась куча какого-то тряпья. Была печь – огромная, глинобитная, занимавшая почти весь угол. Её устье зияло чёрной дырой. Рядом – обломки стула.

– Ну... просторно, – сказал Максим без особого энтузиазма, водя лучом по стенам. – Брёвна... мощные. Дом, конечно, старый, но костяк крепкий. Если просушить, пройти анти-септиком... – Его голос звучал так, будто он пытался убедить прежде всего себя.

Я стояла на пороге, не решаясь шагнуть дальше. Давящее ощущение чужого присутствия было невыносимым. Мне казалось, что из чёрных углов, из-за печи, из щелей между брёвнами на нас смотрят. Что в тишине, звенящей после нашего прихода, слышно чужое дыхание. Мелкое, прерывистое. Или это шуршание мышей за обшивкой?

– Аня, не стой в дверях, иди сюда, – позвал Максим, направляясь в соседнее помещение, видимо, в горницу. – Смотри, печь какая! Настоящая русская! Зимой будет жарко!

Я сделала шаг внутрь. Пол скрипнул подо мной особенно громко, жалобно. И в этот момент я почувствовала его. Взгляд. Не со стороны. Не из угла. Из самой стены. Прямо передо мной. Я подняла голову, и луч фонарика Максима, мелькнув по стене, высветил сучок в бревне. Обычный сучок. Но в его очертаниях, в игре света и тени, мне почудилось... лицо. Искажённое, страдальческое, с открытым в беззвучном крике ртом. Я ахнула и отшатнулась.

– Что? – обернулся Максим.

– Там... лицо... – прошептала я, указывая дрожащим пальцем.

Он направил луч на сучок.

– Что? Где? – Он прищурился. – Обычный сучок. Древесина старая, узоры всякие. Не выдумывай. Идём, посмотрим другие комнаты. Надо решить, с чего начинать.

Он пошёл дальше. Я осталась, не в силах оторвать взгляд от того места. Сучок был просто сучком. Но ощущение, что оно смотрело на меня – холодное, ненавидящее – не проходило. И ещё... откуда-то снизу, из-под пола, из-под самой печи, донёсся тихий звук. Не скрип. Не шорох. Стон. Короткий, жалобный, как будто кто-то задохнулся во сне. Я замерла, вцепившись в косяк двери, сердце бешено колотилось.

– Макс! Ты слышал?

– Что? – его голос донёсся из глубины дома. – Слышал, как ты шарахаешься от теней! Иди сюда!

Звук не повторился. Но ощущение присутствия под полом, в темноте подполья, стало почти осязаемым. Кикимора там голос подаёт... С печи слезла, в подполье ушла... Слова старухи пронзили сознание, как ледяная игла.

– Я... я на чердак схожу! – крикнула я, не в силах заставить себя идти вглубь этого дома, в его тёмные комнаты, где бродил Максим с жалким фонариком. – Посмотрю, какая крыша!

– Ладно! Только осторожно! Лестница, наверное, трухлявая! – донёсся его ответ.

Я почти побежала обратно в прихожую. Угол, где стояла печь, казался особенно тёмным и недружелюбным. Я боялась подойти туда, боялась услышать тот стон снова. Нашла дверь, ведущую, судя по всему, в сени или кладовку, а оттуда – на чердак. Дверь поддалась с трудом. За ней оказались узкие, крутые, шаткие ступени, ведущие вверх, в полную темноту. Пахло сухой пылью, старой соломой и... чем-то ещё. Кисловатым. Как заплесневелое сено. Я включила фонарик на своём телефоне и начала подниматься, хватаясь за липкие от пыли и паутины перила, которых почти не было.

Чердак был низким, забитым хламом. Луч фонарика выхватывал груды старых, истлевших половиков, сломанную прялку, пустые бутылки непонятного возраста. Воздух был спёр-

тым, пыльным. И всё же, этот запах – кислый, гниlostный – был здесь сильнее. Я сделала шаг, и нога провалилась по щиколотку в рыхлую труху.

– Чёрт! – выругалась я про себя, вытаскивая ногу. Луч упал на то, во что я вступила. Это была огромная куча... старой соломы? Сена? Что-то серое, рассыпающееся. И торчащее из неё...

Я навела луч ближе. И замерла.

Это был веник. Старый, истрёпанный, почти лишившийся листьев, связанный из каких-то жёстких, тёмных прутьев. Но не берёзовый. Что-то другое. Ольха? Или... болотный тальник? Он лежал на куче трухи, как на гнезде. Рядом с ним валялся обрывок ткани. Я наклонилась, осторожно подцепила его. Это был угол вышитого полотенца. Кусок был невелик, грязный, но вышивку можно было разглядеть. Традиционные узоры... но искажённые, перекошенные. Вместо цветов – какие-то крючковатые, колючие формы. Вместо солнца – чёрный круг с лучами, похожими на корни. И в центре... дерево жизни. Но его корни были не светлыми, а чёрными, извивающимися, как змеи, и уходящими куда-то вглубь, под сам узор. Оберег. Но какой-то... перевёрнутый. Злой.

Веник... атрибут кикиморы... Мысль пронеслась, холодная и чёткая. И охранный узор... с чёрными корнями...

Я выронила обрывок, как обжёгшись. Кислый запах вокруг веника показался мне вдруг не просто запахом гнили. Он пах... жизнью. Неприятной, чужой, болотной. Как будто кто-то незримый только что здесь сидел... и встал, услышав мои шаги.

Снизу донёсся голос Максима, звавший меня. Я повернулась, чтобы спуститься, и луч фонарика мелькнул по стропилам над головой. И я увидела их. Лица. Не одно. Несколько. Проступающие в сучках, в трещинах древесины, в переплетении балок. Искажённые гримасой ужаса или злобы. Слепые глазницы, устремлённые вниз. На меня.

Я не помнила, как спустилась с чердака. Я выбежала в прихожую, задыхаясь, лицо было мокрым от слёз или холодного пота. Максим выходил из горницы, хмурый.

– Крыша – дырявое решето, – сообщил он. – Потолок в одной комнате уже просел. Фундамент... надо копать, смотреть. Брёвна вроде целы, но... – он вздохнул, увидев моё лицо. – Ты чего? Опять напугалась чего-то? Чердак же пустой.

– Там... веник... и лица... – еле выговорила я.

– Веник? – он усмехнулся безрадостно. – Ну и что? Бабка подметала когда-то. А лица... Аня, это дерево! У него текстура такая! Ты себя накручиваешь!

Он подошёл, попытался обнять, но я отшатнулась. От него тоже пахло. Пахло этим домом. Сыростью, гнилью, старой древесиной. Он уже был здесь. Частично.

– Я не могу здесь находиться, Макс, – прошептала я. – Пожалуйста. Уезжаем. Сейчас. Я не вынесу ещё минуты.

Он посмотрел на меня, на мою дрожь, на мой настоящий ужас, и в его глазах мелькнуло раздражение, быстро сменившееся усталой покорностью.

– Ладно... ладно, солнышко. Не надо истерик. Поедем. Но... – он оглянулся по сторонам, и в его взгляде впервые появилось что-то, кроме практической оценки. Что-то тяжёлое, настороженное. – Завтра... завтра приедем снова. С инструментом. Надо же разобраться. И... проветрить тут хорошенько.

Мы вышли. Я шла, не оглядываясь, чувствуя на спине тяжёлый, пристальный взгляд чёрных окон. Когда машина завелась и мы тронулись, выезжая из этой проклятой низины, я рискнула взглянуть назад в зеркало.

Дом стоял, покосившийся и мрачный, у подножия чёрного леса. И в одном из чёрных окон, на втором этаже, мне почудилось... мелькнувшее движение. Как будто заплёванное стекло чуть протёрли изнутри, и на миг показалось бледное, неясное лицо. Старухи? Девушки? Или просто игра света?

Но я знала. Это был Дом. Он смотрел нам вслед. И ждал. Он знал, что мы вернёмся. Порог Нави был пройден. Обратной дороги не было.

Глава 3. Ночные гости

Солнце, если оно и показывалось в тот день над Заозерьем, сделало это робко и ненадолго, словно боясь заглянуть в нашу низину. К вечеру серое небо окончательно сгустилось до черноты, и тьма навалилась на дом, как тяжёлое, мокрое одеяло. Мы остались. Не потому, что хотели. Не потому, что страх отступил. А потому, что у нас не было выбора. Городская квартира была сдана, вещи – жалкие пожитки, уместившиеся в багажнике и на заднем сиденье «Логана» – были занесены в этот «костяной сруб». Бежать было некуда. И Максим упёрся: «Переночуем. Завтра начнём. Иначе так и будем метаться».

Мы попытались создать островок нормальности в этом море запустения. Расчистили горницу – самую большую комнату с той самой русской печью. Вымели горы пыли и паутины, протёрли единственное целое окно. Поставили нашу походную газовую плитку, разложили спальники на расчищенном полу – подстелив под них старый брезент, чтобы сырость не просочилась. Зажгли керосиновую лампу, привезённую на всякий случай. Её жёлтый, неровный свет отбрасывал гигантские, пляшущие тени на стены, делая проступающие в сучках лики ещё выразительнее, ещё зловещее. Я старалась не смотреть на стены. Вообще не смотреть. Но они были везде. Эти тёмные, неровные поверхности дышали холодом и памятью о чём-то нечеловеческом.

Запах, несмотря на открытые настежь двери и окна (мы рискнули распахнуть даже разбитое), не выветрился. Он лишь слегка изменился, смешав гниль и сырость с запахом керосина, газа от плитки и нашей скромной еды – гречневой каши. Эта смесь висела в воздухе тяжёлым, приторным маревом, оседая на языке, въедаясь в одежду. Каждый вдох казался усилием.

Максим, вопреки всему, пытался сохранять бодрость. Он говорил о планах: завтра осмотреть фундамент, снять прогнившие доски с крыльца, поискать в сарае хоть какое-то целое окно для замены. Его голос звучал громко, нарочито уверенно, но в глазах, пойманных в луче лампы, читалось напряжение и... какая-то отрешённость. Как будто он сосредоточенно играл роль хозяина, не впуская внутрь ни сомнений, ни страха. Он упорно игнорировал мои тревожные взгляды на стены, мои вздрагивания от каждого скрипа половиц.

– Вот увидишь, Ань, – говорил он, доедая кашу, – неделя-другая – и мы тут как сыр в масле. Протопим печь – запах выгонит. Стены просохнут. А эти твои «личики»... – он махнул рукой в сторону угла, где сучок особенно напоминал скорченную фигуру, – закроем обоями. Или картиной повесим. Цветов навезём!

Я молча кивала, не веря ни единому слову. Мои нервы были натянуты, как струны. Каждый шорох за стенами – а их было много: скрежет веток по крыше, писк невидимых грызунов где-то в перекрытиях, шуршание чего-то в траве под окном – заставлял сердце биться чаще. Но больше всего меня пугала тишина. Та особенная, густая тишина, которая наступала между звуками. Она висела в доме, как тяжёлый, неживой газ, и в ней чудилось... ожидание. Дом затаился. Слушал. Оценивал.

Мы легли рано. Усталость от переезда, от физической работы по расчистке, от постоянного нервного напряжения валила с ног. Спальники лежали рядом, на расстеленном брезенте, посреди горницы. Керосиновая лампа была притушена, отбрасывая лишь крошечный островок света вокруг себя, за которым сразу начиналось царство мрака. Тени стен смыкались над нами, превращая комнату в гигантскую, дремучую пасть. Я лежала на спине, уставившись в потолок, который терялся во тьме, и слушала. Слушала дыхание Максима – ровное, тяжёлое, он заснул почти мгновенно. Слушала тиканье своих часов на запястье. Слушала эту всепоглощающую тишину, разрываемую лишь редкими, знакомыми звуками старого дома.

Потом пришли другие звуки.

Сначала это был лёгкий скрип. Где-то под полом. Рядом с печью. Я замерла, вглядываясь в темноту в том направлении. Печь была огромным чёрным монолитом, сливающимся с тенями. Скрип повторился. Не просто доска. Звук был... целенаправленным. Как будто кто-то осторожно, медленно сдвигал что-то тяжёлое по земле. Я приподнялась на локте, вслушиваясь. Сердце стучало в висках. Мыши? Крыса? Но звук был слишком... осмысленным. Слишком не случайным.

И тут он донёсся. Из-под печи. Оттуда же, откуда я слышала его днём. Стон. Но не человеческий. Не животный. Жалобный, протяжный, полный такой тоски и безысходности, что по коже побежали ледяные мурашки. Он длился несколько секунд – низкий, вибрирующий, словно кто-то дул в пустую бутылку, зарывшись лицом в землю. У-у-у-о-о... Потом оборвался. И сразу же – лёгкий, быстрый шорох, как будто что-то маленькое и юркое метнулось в темноте подпола.

Кикимора там голос подаёт... С печи слезла, в подполье ушла... Слова старухи вспыхнули в мозгу ослепительно ярко. Это была она. Та самая кикимора, дух дома, нечисть, живущая за печкой или под полом. Она проснулась. И подавала голос.

– Макс... – прошептала я, толкая мужа в бок. – Макс, проснись!

Он крякнул, повернулся на бок.

– М-м? Что? – пробормотал он сквозь сон.

– Там... под печкой... стонет что-то! Слышишь?

Он замолчал, прислушиваясь. В доме стояла тишина. Тяжёлая, зловещая.

– Ничего не слышу, – раздражённо проскрипел он. – Тебе послышалось. Или ветер где-то свистит. Спи, Аня. Устал я.

Он повернулся ко мне спиной и почти сразу же его дыхание снова стало ровным и глубоким. Я осталась одна. Одна в темноте, под пристальными взглядами сотен сучковатых глаз на стенах, с осознанием, что прямо под нами, под тонким слоем досок и земли, что-то живёт. И стонет. Я вцепилась в край спальника, стараясь дышать тише, слушать острее. Тишина снова сгустилась. Давящая, полная невысказанных угроз.

Потом началось снаружи.

Сначала это был лёгкий шорох под окном. Как будто кто-то осторожно прошёлся по сухой траве. Я затаила дыхание. Может, зверь? Лиса? Бродячая собака? Но шорох повторился. Неподдалёку. Потом ещё. Угрожающе близко к стене дома. И вдруг – царап! Чёткий, металлический звук. Как будто коготь провели по дереву. По самому срубу. Прямо за стеной, возле моего изголовья.

Я вжалась в спальник, глаза широко открыты, вглядываясь в чёрный квадрат окна. Там ничего не было видно, кроме отражения тусклого света лампы в стёклах. Царап! Ещё раз. Резче. Выше. Потом – серия быстрых, скребущих звуков, как будто кто-то с бешеной скоростью точил когти о бревно. Или... пытался залезть? Леший? Банник? Фольклорные образы, казавшиеся когда-то сказочными, обретали жуткую плоть в этой кромешной тьме, под аккомпанемент царапанья по стенам нашего дома.

– Макс! – зашипела я, снова толкая его. – Проснись! Там... снаружи! Кто-то скребётся!

Он вздрогнул, сел, протирая глаза.

– Что опять? – голос был хриплым от сна и раздражения. – Скребётся? Кошка, наверное. Или ветка.

– Это не ветка! – прошептала я отчаянно. – Это по стене! Царапают! Слышишь?

В этот момент скребущие звуки стихли. На смену им пришёл лёгкий, шелестящий шум, как будто кто-то большой и лохматый проходил совсем рядом с домом, задевая плечом за бревенчатые стены. Шаги? Не совсем. Скорее, шарканье. И тихий, прерывистый свист. Не мелодичный. А... насмешливый?

Максим прислушался. Напрягся. В темноте его лицо было напряжённой маской.

– Ветер, – сказал он твёрдо, но слишком быстро. Слишком убеждённо. – Просто ветер усилился. И ветки бьются. Весь дом скрипит, Аня. Старый. Не придумывай. Ложись спать.

Он плюхнулся обратно на спальник и натянул его на уши, демонстративно отгородившись от меня и от звуков ночи. Я поняла: он слышал. Он просто отказывался верить. Отказывался признать, что в этом проклятом месте возможно что-то за гранью его рационального мира. Его отказ был хуже страха. Он оставил меня одну. Совсем одну.

Я не спала. Я лежала неподвижно, как парализованная, каждым нервом впитывая звуки ночи. Царапанье не возобновлялось. Шарканье стихло. Но стон под печкой... он вернулся. Теперь он звучал тише, но настойчивее. Монотонно. У-у-у... у-у-у... Как плач без слёз. Как мольба без надежды. И я чувствовала его не только ушами. Я чувствовала его всем телом. Вибрацией старых досок подо мной. Холодом, идущим от пола. И главное – я чувствовала взгляд.

Он был повсюду. Из темноты углов. Из чёрных провалов окон. Из щелей между брёвнами. Десятки невидимых глаз скользили по моей коже, изучая, оценивая. Холодный, безразличный, лишённый всякой теплоты или любопытства. Просто... наблюдение. Как за насекомым в банке. Я зажмурилась, пытаюсь спрятаться, но это не помогало. Взгляд проникал сквозь веки. Он был внутри меня. В самой темноте за закрытыми глазами я видела их – эти слепые, сучковатые лики на стенах. Они шевелились. Их рты растягивались в беззвучных гримасах.

Я не знала, сколько времени прошло. Часы тикали, но их звук терялся в монотонном стоне из-под печи и в гулком биении моего сердца. Я была на грани. Ещё немного – и я закричу. Закричу так, что разбужу даже мертвеца. Или привлеку то, что скребётся снаружи.

И тогда случилось это.

Я открыла глаза, не в силах больше выносить картинки под веками. И увидела. В углу комнаты, там, где стена под потолком сливалась с тенью, было движение. Не тень. Не игра света лампы. Что-то тёмное, бесформенное, похожее на клубок грязных тряпок или спутанную шерсть, медленно, очень медленно выползло из щели между верхним бревном и потолочной балкой. Оно стекало вниз по стене, как густая, чёрная смола, не подчиняясь гравитации. Оно не издавало звуков. Оно просто... двигалось. Ползло. В мою сторону.

Паника, сковывавшая меня до этого, вдруг лопнула. Я вскрикнула. Коротко, отрывисто, от ужаса, выворачивающего душу наизнанку. И бросилась к Максиму, тряся его изо всех сил.

– Там! В углу! Оно ползёт! Смотри! – я закричала, не в силах сдержаться, указывая дрожащей рукой.

Максим вскочил, как ужаленный. Он схватил фонарик, лежавший рядом, и резко направил луч в угол.

– Где?! Что ползёт?! – его голос был резким, испуганным, но больше злым. Злым на меня, на ночь, на этот дом.

Луч света разрезал темноту, упираясь в бревенчатую стену. Там ничего не было. Никакого клубка. Никакого движения. Только знакомый сучок, напоминающий лицо, да тёмные разводы сырости.

– Ничего нет! – он выдохнул, опуская фонарик. Его лицо в слабом свете было искажено яростью и усталостью. – Ничего нет, Аня! Ты что, совсем? Совсем с ума съезжаешь? Это тени! Тени и твоя истерика! Хочешь, чтобы я тоже рехнулся?!

Он стоял надо мной, тяжело дыша. Я сидела на спальнике, обхватив колени, дрожа всем телом. Я видела это. Я не сомневалась. Но под лучом фонаря не было ничего. Ничего, кроме старой, мрачной стены.

– Но... но я видела... – прошептала я, чувствуя, как слёзы наворачиваются на глаза. От страха. От унижения. От полного одиночества.

– Ты видела то, что хочешь видеть! – оборвал он меня. – Из-за своих страхов! Ты всю ночь меня дергаешь из-за ветра и мышей! Я завтра на стройке кран упусти, если не выплюсь! Хватит! Ложись и спи! Или иди в другую комнату, если не можешь успокоиться!

Он грубо плюхнулся на свой спальник и натянул его с головой. Разговор был окончен. Я осталась сидеть, чувствуя, как ледяная волна одиночества накрывает меня с головой. Он не верил. Он не хотел верить. А дом... дом знал это. И стон под печкой стал чуть громче. И на стенах, казалось, тени зашевелились снова. И взгляд... этот всевидящий, холодный взгляд... он сфокусировался на мне с новой силой. Он был доволен. Раскол был обозначен. Я была одна против ночи. Одна против дома. Одна против того, что в нём жило.

Я не ложились. Я сидела, прижавшись спиной к холодной печи (как можно ближе к тому месту, откуда доносился стон, словно пытаюсь понять его источник), и смотрела в темноту широко открытыми глазами. Я ждала. Ждала, когда вернётся тот чёрный клубок. Ждала новых звуков. Ждала, когда скребущее снаружи доберётся до окна. Ночи в Заозерье были долгими. И эта – только начиналась. Первая ночь в Доме, Где Шепчут Стены. И первая ночь моего настоящего, беспросветного ужаса.

Глава 4. Шёпот за спиной

Утро в Заозерье не принесло облегчения. Оно пришло не светом, а медленным, унылым рассветом, пробивающимся сквозь грязновато-серую пелену туч. Воздух оставался тяжёлым, насыщенным болотной сыростью, смешанной теперь с едким запахом гари от нашей плитки и сладковато-гнилостным духом самого дома. Я не спала. Совсем. После той кошмарной ночи, после взгляда Максима, полного раздражения и неверия, сон был невозможен. Я сидела, закутавшись в спальник, спиной к печи, и смотрела, как первые бледные лучи выхватывают из полумрака знакомые, ненавистные узоры на стенах. Лица в сучках казались утром спящими, но не менее зловещими. А стон из-под печи... он стих лишь под утро, сменившись тихим, едва уловимым шуршанием, словно что-то маленькое и юркое копошилось в земляной темноте подпола.

Максим проснулся рано. Его лицо было осунувшимся, с тёмными кругами под глазами, но в его движениях чувствовалась какая-то лихорадочная решимость. Как будто он бросил вызов не только дому, но и моему страху, моим «фантазиям». Он молча вскипятил воду на плитке, заварил крепкий чай в железной кружке, сунул мне одну.

– Пей. Придёшь в себя, – бросил он сухо, избегая моего взгляда. – Сегодня много работы. Надо осмотреть фундамент, попробовать заколотить то разбитое окно, хоть как-то крышу залатать, чтобы не лило. И... разобраться с печью. Может, там труба забита или что. Оттуда сквозняки идут, отсюда все звуки.

Я молча взяла кружку. Горячий чай обжёг губы, но не смог прогнать внутренний холод. Его слова «все звуки» прозвучали как приговор. Он всё списывал на ветер, на сквозняки, на старые трубы. И эта его упёртая рациональность была страшнее любого стена. Она оставляла меня один на один с Домом.

Он вышел во двор, гремя инструментами. Я слышала, как он стучит молотком, что-то пилит, ругается сквозь зубы. Каждый удар молотка по дереву отдавался внутри дома глухим эхом, словно он бил не по доскам крыльца, а по живому телу. И в ответ... в ответ из глубин дома приходил ответ. Тихий, едва слышный шёпот. Не в ушах. Глубже. В костях. В самой крови. Он струился из стен, из пола, из потолка – неразборчивое бормотание на каком-то древнем, гортанном наречии, перемешанное с предсмертными хрипами и злобным шипением проклятий. Он был вездесущим. Фоном. Как шум крови в ушах, но только чужой, враждебной крови этого места.

Я попыталась заняться хоть чем-то, чтобы не сойти с ума. Расстелила на полу старый половик, привезённый из города. Поставила на ящик крошечное зеркальце. Разложила немного посуды. Но каждое действие казалось кощунственным. Протирая пыль со старого стола, я чувствовала, как сотни глаз следят за моей рукой. Ставя кружку на полку, я ловила шевеление тени в углу. А когда попыталась подмести пол у печи веником, который нашла в углу сеней (не тот, страшный, с чердака, а обычный, берёзовый, но тоже старый и потрёпанный), снизу, из-под пола, донёсся резкий, недовольный щелчок. Как будто кто-то щёлкнул языком прямо под моими ногами. Я отшвырнула веник, как раскалённый уголь. Кикимора не любит, когда её место метут... Мысль пронеслась сама собой, подкреплённая холодным ужасом.

К полудню пришли соседи.

Мы услышали их сначала – тихий перешёптывающийся гул за калиткой, которая так и лежала сломанная в крапиве. Потом показали фигуры. Трое. Та самая старуха с колодца, её лицо было непроницаемой маской под платком. Пожилой мужчина, коренастый, с лицом цвета выдубленной кожи и маленькими, глубоко посаженными глазками-бусинками, которые смотрели исподлобья. И женщина лет сорока, худая, с бесцветными волосами и вытянутым,

скорбным лицом. В руках у неё была деревянная доска, накрытая вышитым рушником. На доске – круглый каравай хлеба и маленькая, берестяная солонка.

Максим, весь в поту и опилках, отложил топор, которым пытался обтесать прогнившую ступеньку, и пошёл им навстречу. Я вышла на крыльцо, чувствуя, как под взглядами этих людей моя кожа покрывается мурашками. Их глаза скользили по мне, по Максиму, по дому с тем же отчуждённым, изучающим выражением, что и вчера. Ни улыбки, ни приветствия. Только молчаливое давление.

– Здравствуйте, – начал Максим, стараясь звучать приветливо, но голос его был напряжённым. – Заходите, пожалуйста. Только у нас тут... пока не обустроились.

Старуха что-то пробормотала себе под нос. Мужчина кивнул, коротко и сухо. Женщина с хлебом сделала шаг вперёд. Её движения были скованными, будто механическими.

– Хлеб да соль вам, новым хозяевам, – произнесла она глухим, без интонаций голосом, протягивая доску Максиму. – От соседей. Чтоб жилось сытно да спокойно.

Рушник был старым, но чистым, вышитым традиционными красными узорами. Каравай выглядел румяным, пышным, аппетитным. Соль в солонке белой горкой. Казалось бы, жест доброй воли. Но что-то было не так. В их глазах не было тепла. В их позах – приветствия. Была формальность. Ритуал. Или предупреждение?

Максим, растерянный, взял доску.

– Ой, спасибо... Большое спасибо, – заговорил он, явно не зная, как реагировать. – Очень приятно. Заходите в дом, чайку попьём?

– Не надо, – отрезал мужчина. Его голос был низким, хриплым, как скрип несмазанной телеги. – Не к добру новосёлам в дом ходить, пока не обживутся. Особенно... в этом доме. – Его бусинки-глаза скользнули по чёрным окнам, по покосившимся стенам. – Приняли хлеб-соль – и ладно. Живите. Только... – он сделал паузу, его взгляд упал на меня, стоящую на крыльце, и в нём мелькнуло что-то... предостерегающее? – Не будите лишнего. Дом старый. Привыкший к тишине.

– Что вы имеете в виду? – спросил Максим, нахмурившись.

Мужчина махнул рукой, словно отмахиваясь от назойливой мухи.

– Ничего. Так. Дом есть дом. – Он повернулся к женщине. – Пойдём, Матрёна.

Старуха же не уходила. Она подошла ближе к крыльцу, её острый взгляд впился в меня.

– Старик-то прав, – прошипела она так тихо, что услышали только я и, возможно, Максим. – Дом-то ваш... он особенный. Его не тем кормили... – Она кивнула куда-то в сторону леса. – Марфа-то, колдунья... она его нашептала. На костях. На заложных. Прокляла на веки. Теперь он сам требует. Сам. А вы... вы ему не по нраву. Слышь, как стонет? Это он голодный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.